

Н. С. САРАФАНОВА

Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.)

В рукописи ГПБ О.ХVII.37 на лл. 35—36 находится сочинение неизвестного старообрядца («имя рек») — письмо (без начала) к «отцам и братии», очевидно монастырской. Незаурядное литературное дарование автора обращает на себя внимание. Письмо представляет интерес и как материал для изучения эпистолярного стиля конца XVII в., и как памятник старообрядческой литературы, свидетельствующий о ее тесных связях с народной разговорной речью.

Рукопись, в которой находится письмо, — сборник в 8-ку на 175 лл., писанный скорописью разных почерков. Филигрani: герб Амстердама (напоминает № 3547 в альбоме Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», датируемый 1689 г.) и шут (полностью соответствует № 469 в альбоме Н. П. Лихачева «Бумага и древнейшие бумажные мельницы»... , датируется 1676 г.). Филигрani и характер скорописи указывают на конец XVII в. В сборнике находятся многие письма протопопа Аввакума (опубликованные А. К. Бороздиным), единственное известное письмо Епифания, выписки из сочинений Нила Сорского, несколько старообрядческих произведений, начало повести о Ерше, Путешествие купца Василия Гагары и др.

О личности автора письма, который сидит в тюрьме и готов «в вере православной скончаться за Христа», известно очень мало: он монах («А Николы-святителя... икона — мое обещание») и был захвачен воеводой, очевидно, на пути из монастыря.

Письмо совершенно не содержит риторики. Это подробный и неторопливый рассказ автора о своих бедах и невзгодах: воевода бил его, бросил в тюрьму, а товарища его Исаию Титова — «в застенок да кнутом на стряске». Отписки, посланные о них в Москву, остались без ответа, «а тамо на Москве отписку бросили под стол, — предполагает автор, — и другую отписку и потом ничево».

Центральный эпизод письма — встреча с устюжским архиепископом Александром, который в это время «плыл с Москвы». Спор между Александром Устюжским и старообрядцем развивается не в плане отвлеченной богословской полемики, столь частой в старообрядческих сочинениях, а как живой диалог. Для доказательства истинности и исконности «старой веры» автор умело использует реплику архиепископа, косвенно подтверждающую произвольность новых обрядов: «... а крест перемени по-нашему, как власти изволили ныне». Так как автор остался верен своим убеждениям, его «опять в темницу сослали», где он и сидит «доныне», «по вся дни... смерти» ожидая «себе».

Кончается письмо обычной для писем того времени формулой: «Посем простите мя, грешнаго... елико согрешил словом, и делом, и помышлением, и всеми моими чувствы».

Интересно отметить, что жестокость воеводы и собственные страдания осмыслены автором в плане сопоставления с мучениями Христа, и эта смелая параллель значительно усиливает основную мысль письма о безвинности старообрядцев и несправедливости властей.

Упоминание имени устюжского архиепископа Александра позволяет датировать письмо.

Устюжский архиепископ Александр был хиротонисан 8 февраля 1685 г. из архимандритов Иосифова Волоколамского монастыря. Умер 19 июля 1699 г.¹ До него первым архиепископом Великоустюжским и Тотемским был Геласий (1682—1685; Устюжская епархия была учреждена в 1682 г.). Известно также, что Александр Устюжский «дважды лично ездил в Москву просить... о присоединении к его области от Вятской епархии Яренска с уездом».² Ездил он не без успеха: «В 1685 г. из патриаршего разряда получена грамота о приписке Яренского уезда и городка к Устюжской епархии».³

Исходя из этих дат, можно определить время написания письма: не ранее 8 февраля 1685 г. и не позднее конца 1685 г. Поскольку в письме речь идет о том, что автора недавно приводили «на дощаник... пред владыку их Александра», который «плыл с Москвы», очевидно, что описываемые события происходили в промежуток с весны и до начала зимы 1685 г.

Обычный путь от Москвы до Великого Устюга проходил через Ярославль—Вологду, далее по реке Сухоне через Тотьму. Действие разворачивается в пределах Устюжской епархии (Александр Устюжский назван «владыкой их», т. е. «владыкой» приставов и протопopa) во время плавания архиепископа по Северному речному пути, в одном из городов, расположенных по Сухоне, между Вологдой и Великим Устюгом, имеющем воеводу. Таким городом в конце XVII в. была Тотьма. К тому же фамилия Кусковых (в письме назван Яков Кусков, один из представителей воеводского управления) была очень распространена среди жителей Тотьмы.⁴

Письмо дошло до нас не в автографе, а в списке, находящемся в сборнике старообрядческих произведений. Это значит, что уже в конце XVII в. оно воспринималось не как частное письмо, а как литературное сочинение, получившее право на внимание читателей и широкое распространение. Возможно, что именно при переписке было опущено малоизвестное имя автора и заменено безличным «имя рек».

Как отличительную черту этого письма надо отметить интерес автора к собственным переживаниям. Рассказывая о тех или других фактах, он каждый раз не забывает сообщить о своем настроении: «приде на мя печаль: жаль стало иконы Николы чудотворца да книг» или «приде на мя радость неизреченная», «рад бысть зело». О Исаии Титове автор сообщает: «тосковал в тюрьме долго, мало не умер с кручины».

В этом отношении письмо напоминает рассказы Епифания в его «Житии» и служит еще одним свидетельством пристального внимания старообрядческой литературы к внутреннему миру человека.

¹ П. Строев. Списки русских иерархов. СПб., 1877, стр. 734.

² И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. 1. Казань, 1897, стр. 368.

³ Там же.

⁴ См.: Таможенные книги по Тотьме за 1675—1677 гг. — В кн.: Таможенные книги Московского государства XVII в., т. 3. М., 1951, стр. 829, 855.

Текст

Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.)

... и без пояса. А сам тут же стоит, велит денег искать на мне и велит а. 35
 донага разболокать. А я то говорю тогда: «Ведь, мов, и жиды также
 Христа на распятии разболокали донага». И я звалился на землю, упал
 из рук их, и оне вынесли вон, в большую избу, да и бросили на лавку.
 Сам браню Никона, и потом приде на мя печаль: жаль стало иконы
 Николы-чюдотворца да книг. А Николы-святителя, чюдотворца, икона —
 мое обещание — стоит в приказе на полке. И посем приде на мя радость
 неизреченная, и уснул манием на лавке, желая по иконе: «А се кабы все
 мое принесли ко мне...». А, не вем кто, и говорит мне: «Не тужи, все
 у тебя». А Никола-чюдотворец, икона, на руках моих очюдилась, и я
 очюхнулся, рад бысть зело. И потом сковали да за решетку бросили, и ту
 седе день. И потом в тюрьму бросили, и сежю даж доньне так. А Исаию
 Титова в застенок да кнутом на стряске.^а А потом о нас отписку к Москве.
 А тамо на Москве отписку бросили под стол. || Так и другую отписку, а. 35 об.
 и потом ничево. Да так то и ныне. А как устюжской архиепископ плыл
 с Москвы, и меня с товарищем моим^б Исаиею взяли приставы да прото-
 поп ис темницы, на дошаник привели пред владыку^в их Александра. И он
 спрашивал так же меня, что и воевода в приказе, толко помалу с кро-
 стостию обо всем, а не бил меня ничем. А я отвещал так же обо всем, что
 и воеводе в приказе, о кресте и о молитве, и он молвил там: «То, де,
 молитва хотя и по-старому, пускай так, а крест перемени по-нашему, как
 власти изволили ныне». А я то говорю ему: «Я так не крещуся по-вашему,
 но по преданию святых», а сам-таки и крещуся по-старому безпрестани,
 стоя. А он то да се говорит, а сам то говорю ему: «Вси так святии отцы
 крестилися, так и я крещусь, и молитву творю так, и книги держу старые,
 а по-вашему не хочю ничево творить». Так меня он и опять в темницу^г
 сослал^д с приставы. А товарищ мой Исаия Титов повинился ему и волю
 их сотворил, так ево || Ияков Кусков^е к себе и дернул. И сам то говорит: а. 36
 «Наш, де, ты ныне, к нам и поиди». А потом за мною в тюрьму сослали,
 даж и ныне со мною в тюрьме седит, лише бедного обманули, а и не вы-
 пустили на свободу. Так он, бедной, тосковал в тюрьме долго, мало не умер
 с кручины, а таки не хоцет со мною мучитися за веру, чает себе выпуску,
 жить хоцет еще. А я по вся дни живучи смерти ожидаю себе, дабы ми,
 грешному, тако в вере православной скончатись за Христа, сына божия,
 и за крест его, и за прочия законы его. И вы, отцы мои и братия, помо-
 литесь господу богу и богородице-свету и всем его святым о мне, грешном,
 дабы мя спасл бог, име же веси. С чадами посем здравствуйте о Христе
 Иусе во веки веком, аминь. Посем простите мя, грешнаго, имя рек, отцы
 и братие, елико согрешил словом и делом и помышлением и всеми моими
 чувствы.

(ГПБ, О.ХVII.37, лл. 35—36)

^а к выцвело. ^б В ркп. товарищемоим. ^в Последний слог ку заклеен. ^г По-
 следний слог цу заклеен. ^д На полях ркп. против этого слова тем же почерком
 приписано ото (т. е. исправлено на отослал). ^е В ркп. Кускув.